И не было в его жизни никакой цели, никакой дороги. Всё, о чём он просил когда-то у жертвенного алтаря в подвале отцовского замка, становясь сильным, становясь мужчиной и воином своего клана, он упустил. Или не имел вовсе. Всё, что не было ему нужно, чего он не чаял и не звал — пришло и навалилось неподъёмной тяжестью.

Баки представлял, как тяжел труд знахаря и травника, выхаживающего тяжёлых больных. Он сам когда-то сидел у лежанок своих соратников, подранных на поле битвы или на охоте, и менял заскорузлые от крови повязки, видел загноившиеся раны, слышал стоны, бредовые речи и ругань. Но ни разу он не видел такого тихого и обречённого болящего, как Стив. Тот таял, как свеча, замотанный в две шкуры, надсадно всхрапывал и тяжело дышал, зрачки его под тонкими, восково-белыми веками порой страшно бегали, словно там, где-то далеко в своём недобром сне Стиву открывалось что-то невиданное, и он боялся упустить хоть малейшую часть целого. Он не стонал и не бредил. Порой его, чересчур горячего, трясло лихорадкой, порой он замирал и покрывался испариной — но никогда маленький друид не стонал.

Под вечер следующего дня Баки, сваривший заячьей похлёбки и кое-как вливший между сухих губ друида несколько ложек бульона, понял, что дело чёрное. У него нюх был на смерть, и сейчас та ходила вокруг землянки, тихо, глухо постукивая костлявыми пятками о вымороженную землю. Баки умел ходить за больным, когда ясно было, что делать, когда приготовлены снадобья и чистые тряпицы, когда всей работы — влить в безвольный рот тёплую похлёбку или травяной отвар. Но сейчас всё было по-другому. Баки не знал, что ему делать, чтобы не отправить друида к праотцам. Заваренных малиновых и мятных листьев было мало, а заговаривать и настаивать зелья Баки не умел. Он уже был готов завыть, лишь бы уйти от давящей тишины и одиночества, лишь бы хоть как-то излить свой дикий, первобытный страх: Стив, маленький друид, остался последним камнем на обрыве, за который он держался своей уцелевшей рукой. Держался из последних сил, до крови царапая пальцы и сдирая ногти. Он держался, потому что знал: не просил жизни, но ему дали. А то, что даётся свыше, нельзя ведь просто взять и отпустить, потерять, даже не поняв — зачем ему это всё?

В его жизни не было смысла, но теплилась надежда, пока Стив дышал, пока нуждался в нём — возможно, он просто ещё не понял чего-то, не увидел важного. Зато почувствовал растущую уверенность: пока Стив был тут, с ним, он не смог бы оставить его. И навредить не мог, умышленно не помогая, не ухаживая, не меняя грязные тряпки из-под него на чистые, оставляя барахтаться и дрожать в собственных нечистотах. Не мог не кормить, не мог не вливать по капле простые настои, словно боги, что присматривают за ними, могли протянуть свою руку оттуда, сверху, и дать ему увесистый подзатыльник. Баки боялся не немилости богов. Страх этот — за Стива и за себя — питал его силами двигаться. Пытаться делать хоть что-то.

Вот только Стиву ничего не помогало.

Уже к ночи, когда чёрная непроглядная темень укрыла прозрачный подлесок и на небо выплыла надкушенная луна, он решился. Долго сидел на коленях, глядя то на Стива, то в костёр. Потом медленно, ритуально снял с себя всё оружие и ремни с ножами. Снял килт, как мог, аккуратно сложив его на своей шкуре. Движения были неловкими, скомканными и дёрганными — никогда прежде он даже ради забавы не разоблачался одной рукой. Было неудобно. Но он делал это упрямо и безысходно, не чувствуя почти ничего, кроме сосущего под ложечкой страха — далёкого, отрешённого. Понимая, что своим бездействием сведёт Стива к

погребальному костру. Он уже тянул его туда за руку. Он ничем не мог помочь, не знал как. Но была та, кто знает. Если она захочет помочь.

В последний миг, когда Баки думал, что обрёл долгожданный покой и безразличие, вернулся в памяти яркий наведённый морок: обнажённый, желающий его Стив, насаживающийся сверху, Стив, собирающийся объездить его, как норовистого жеребца. И стальной высверк лезвия. И то, каким странно-приятным, тянущим ощущением отдавалось в теле каждое движение руки, когда друид начал наматывать на кулак его ливер из быстро нанесённой глубокой раны внизу живота. Красивой, влажной раны, блестящей в отсветах костра.

Баки вздрогнул, невольно прикладывая руку к паху, пытаясь удержать медленно выскальзывающие кишки. Раны не было. Стив, крупно дрожа и сипя при каждом вдохе, всё так же лежал в шкурах. Совсем тихо, лениво потрескивали прогоревшие ветки в очаге.

Ведьма зла, но больше Баки не знал, куда идти. Может быть, она убьёт его. А может, сделает что-то для друида. Будь она мужчиной-воином, Баки бы потребовал своё силой. Даже с одной рукой он на многое был способен. Но ведьма оказалась сильнее его. Быть может, она вспомнит, что Баки старательно охотился, чтобы у ведьмы тоже было мясо?

Закутавшись в волчью шубу, Баки вышел на морозный воздух, в ночь. Только опустилась за ним тяжёлая шкура, потухла полоса света под ногами — а Баки уже почувствовал себя бесконечно одиноким и совершенно голым. Ни одного кусочка железа не было на нём, не вселял уверенности проверенный боями килт. Только рубаха да меховые штаны, да шуба с тёплым капюшоном. Он шёл с миром, с поклоном, уязвимый и смиренный, и осознание этого приносило почти невыносимую боль в затылок. Словно ведьма уже прознала о его планах и заранее потешается над ним.

Передёрнув плечами, Баки пошёл по неглубокому ещё снегу в ту сторону леса, куда зарёкся ходить без друида. Его страх не имел значения. Ничего не имело значения. Если им суждено погибнуть в эту зиму, они погибнут, и ведьма ли сделает это — или дикие оголодавшие звери — не всё ли равно?

Лес чернел, и луна совсем не разбавляла тени под стволами деревьев. Свет её был тусклым, неровным. Баки шёл по наитию, словно Стив был рядом и вёл его за руку. Молчал, как всегда, и лишь загадочно улыбался, когда Баки пытался поймать его взгляд. Он мог бы заблудиться и не найти дороги ни к ведьме, ни обратно. Вот только лес неуловимо поменялся, и острые колья почти облетевших догола елей пришли на смену лиственным деревьям. Начались владения ведьмы. Баки остановился и вздрогнул — под ногой хрупнуло, словно он порвал натянутую кем-то нить. Но, присмотревшись, понял, что всего лишь сломал твёрдый наст. Он раскрошился под его ногой мелкими колкими ледышками.

http://erolate.com/book/3459/83627